

© 2020. С.С. Шаулов

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Москва, Россия

«Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект

© 2020. Sergey S. Shaulov

State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russia

“The Kumanin Inheritance Case” and *The Adolescent*: A Reception Aspect

Информация об авторе: Шаулов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, зав. отделом «Дом-музей М.Ю. Лермонтова», Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, ул. Малая Молчановка, д. 2, 121069 г. Москва, Россия, <http://orcid.org/0000-0003-3931-1714>.

E-mail: sschaulov@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90013 («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского).

Аннотация: В статье рассматривается малоизвестный аспект автобиографического контекста романа Ф.М. Достоевского «Подросток», имеющий отношение к многолетнему спору автора с родственниками из-за наследства А.Ф. Куманиной. Явные параллели между перипетиями куманинского дела и романом «Подросток» позволяют предположить, что писатель вполне сознательно использовал этот жизненный материал в ходе работы над своим произведением. Однако куманинское дело в отличие от дела петрашевцев не стало частью биографического мифа Достоевского. Видимо этим объясняется рецептивный «неуспех» «Подростка» в сравнении с другими романами великого «пятикнижия», его меньшая аттрактивность. В исторической «конкуренции» легенд, перверсирующих образ писателя в массовом восприятии его личности и судьбы, дело о куманинском наследстве оказалось менее «успешным». В итоге оно практически выпало из контекста восприятия «Подростка» и наследия Достоевского в целом, хотя действие романа начинается с прямого упоминания

о наследственном деле. Без учета его отражений рецептивный аспект романа «Подросток» рискует остаться существенно ограниченным.

Ключевые слова: «Подросток», «куманинское дело», история восприятия, рецептивный контекст.

Для цитирования: Шаулов С.С. «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4(12). С. 105–116. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-9-105-116>

Information about the author: Sergey S. Shaulov, Ph.D. in Philology, senior Researcher, State Museum of the History of Russian Literature, Malaya Molchanovka, 2, 121069 Moscow, Russia, <http://orcid.org/0000-0003-3931-1714>

E-mail: sschaulov@gmail.com

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no.18-012-90013.

Abstract: The article considers a little-known aspect of the autobiographical context of F.M. Dostoevsky's novel *The Adolescent*, which is related to the writer's long-standing dispute with his relatives over A.F. Kumanina's inheritance. Clear parallels between the vicissitudes of the case and Dostoevsky's novel suggest that he consciously used this biographical material while working on *The Adolescent*. Unlike the Petrashevsky case, however, the Kumanin case did not become part of Dostoevsky's biographical myth. Apparently, this explains both *The Adolescent's* relatively poor reception compared to other novels of the great "Pentateuch" and its lesser appeal. In the historical "competition" of legends that distort the popular perception of Dostoevsky's image, his personality, and life, the case of the Kumanin inheritance was less "successful". As a result, it practically fell out of the context of *The Adolescent's* perception and Dostoevsky's legacy in general, although the novel begins with a direct mention of a disputed inheritance. Without taking into account its reverberations, the reception aspect of *The Adolescent* runs the risk of remaining significantly limited.

Keywords: *The Adolescent*, "the Kumanin case", history of perception, reception context.

For citation: Shaulov, S.S. "'The Kumanin Inheritance Case' and *The Adolescent*: A Reception Aspect". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (12), 2020, pp. 105-116. (In Russ) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-105-116>

«Подросток» – наименее популярный и самый «непрочитанный» роман великого «пятикнижия» Достоевского. В рецептивной традиции он занимает место, по своему значению далекое от остальных произведений писателя. Приведем любопытный факт: в «Указателе произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг.» С.В. Белова [Белов, 2011] «Подросток» фигурирует в 293 библиографических записях¹, что существенно меньше

¹ Имеется в виду весь список, включая записи об инсценировках, экранизациях, иллюстрациях и пр.

аналогичного показателя для «Бедных людей» (353), «Записок из Мертвого дома» (405) и в разы меньше, чем у других «больших» романов – «Идиота» (736), «Бесов» (863), «Преступления и наказания» (903), «Братьев Карамазовых» (1312).

Как объяснить этот факт? Можно предположить, что чаще издается, читается, изучается, реинтерпретируется средствами других искусств то произведение, которое привлекает большее внимание, имеет больший вес в массовом читательском сознании. Равным образом и масштаб споров вокруг того или иного художественного текста отражает его читательскую востребованность. Например, одна только полемика вокруг спектакля МХТ «Николай Ставрогин» (1913), инициированная отрицательным отзывом М. Горького, в библиографическом списке «Бесов» занимает более 150 позиций [Белов, 2011, с. 409-413]; не менее масштабный пример – полемика вокруг роман «Идиот», развернувшаяся на рубеже XX–XXI вв. [см.: Свительский, 2000; Касаткина, 2001].

Каковы причины «рецептивной неудачи» романа «Подросток»? Типологически он не сильно отличается от других романов писателя. Творческая история «Подростка» восходит к тем же замыслам («Атеизм», «Житие великого грешника» и др.), которые реализовались в «Идиоте», «Бесах», «Братьях Карамазовых». Философская и религиозная проблематика, характерология, поэтика – все ставит его в один ряд с другими романами «пятикнижия», как отмечают многие исследователи [Гаричева, 2002; Герикг, 2003; Комарович, 1924].

Некоторое отличие от них можно усмотреть в относительно «мирном» развитии сюжета: в «Подростке» есть только попытка убийства (хотя самоубийство и уголовное преступление как элементы сюжета присутствуют). Кроме того, в сравнении с «Бесами» и «Братьями Карамазовым» в нем несколько приглушены характерные для позднего Достоевского политико-публицистические акценты.

Можно указать и на демонстративную незавершенность изображения нравственно-психологической эволюции Аркадия Долгорукого (впрочем, точно так же, на пороге «новой истории, истории постепенного обновления человека, истории постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью» заканчивается и «Преступление и наказание» [Достоевский,

1972–1990, т. 6, с. 422]). В этом плане роман «Подросток» вполне может быть понят как «предисловный рассказ» (формулировка из предисловия к «Братьям Карамазовым»), после которого должен начаться главный сюжет героя. В произведении же ему предшествует сюжет, преимущественно связанный с отцом Аркадия Долгорукого.

Подросток появляется в Петербурге с намерением узнать историю Версилова («Я непременно должен узнать всю правду в самый ближайший срок, ибо приехал судить этого человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 18]). О важнейших событиях, значимых в развитии этого сюжета, он вынужден узнавать окольными путями: «О вероятном прибытии дочери мой князь еще не знал ничего и предполагал ее возвращение из Москвы разве через неделю. Я же узнал накануне совершенно случайно: проговорила при мне моей матери Татьяна Павловна, получившая от генеральши письмо» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 23]. Равно о мотивах и планах других персонажей он узнает, используя способы, скорее, похожие на детективное расследование: «Я нарочно заметил об “акциях”, но, уж разумеется, не для того, чтоб рассказать ему вчерашний секрет князя. Мне только захотелось сделать намек и посмотреть по лицу, по глазам, знает ли он что-нибудь про акции? Я достиг цели: по неуловимому и мгновенному движению в лице его я догадался, что ему, может быть, и тут кое-что известно» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 253].

Даже последствия собственных поступков и речей Аркадию не ясны: «Я описываю все эти сцены, не щадя себя, чтобы все ясно припомнить и восстановить впечатление. Взойдя к себе наверх, я совершенно не знал, надобно ли мне стыдиться или торжествовать, как исполнившему свой долг. Если б я был капельку опытнее, я бы догадался, что малейшее сомнение в таком деле надо толковать к худшему» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 100]. Значительная часть событий происходит без его ведома. «Отставая» от них, он сталкивается с негативными последствиями чужих поступков, при этом часто не понимая, за что именно его подвергают унижениям и оскорблениям. Такова, например, история его «дружбы» с молодым князем Сокольским.

С другой стороны, и в других произведениях Достоевского можно найти эти особенности сюжетосложения. Поэтому не они объясняют особенности рецептивной истории романа «Подросток», который резко отличается практически полным отсутствием связи

с биографическим мифом автора. Остальные романы великого «пятикнижия» гораздо больше соотнесены с различными аспектами утвердившихся в массовом сознании элементов биографики Достоевского: «Преступление и наказание» – с преступлением и каторгой; «Идиот» – с эпилепсией; «Бесы» – с заговором и революционной идеей; «Братья Карамазовы» – снова с преступлением, судом, каторгой, эпилепсией.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет не только об автобиографических мотивах произведений писателя, а именно о соотношенности художественного текста и утвердившихся в массовом сознании представлений об авторе и его творении. Предопределенность подобных читательских иллюзий понимал и сам романист: «Может быть, заметят и то, что до сегодня я почти ни разу не заговаривал печатно о моей жизни в каторге; “Записки же из Мертвого дома” написал, пятнадцать лет назад, от лица вымышленного, от преступника, будто бы убившего свою жену. Кстати, прибавлю как подробность, что с тех пор про меня очень *многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей*»² [Достоевский, 1972–1990, т. 22 с. 47].

Еще один яркий пример такого влияния текста даже на научное восприятие писательской биографии – тема отцеубийства в «Братьях Карамазовых». Со времен З. Фрейда и Л.П. Гроссмана она влияет на представления об отношениях Достоевского с отцом, и научные открытия и архивные разыскания последних лет [см., например: Прохоров, 2017] эту традицию не уничтожили (по крайней мере, в массовом сознании).

Подобные «биографические» параллели отсутствуют у романа «Подросток». Однако это не значит, что у него нет автобиографического контекста, который, в первую очередь, связан с роковым делом о куманинском наследстве. Нам уже приходилось обращаться к нему в рамках изучения биографической мифологии Достоевского [Шаулов, 2019]. На наш взгляд, именно отсутствие связи со сложившимся биографическим «шаблоном» обусловило особый «статус» романа «Подросток» в читательском сознании.

Имеется в виду, что важная часть биографии Достоевского, которая, трансформируясь, отразилась в «Подростке», не вошла в ряд «хрестоматийных» сведений о писателе, хотя действие «Подростка»

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. – С.Ш.

начинается с прямого упоминания о наследственном деле: «...все еще была надежда выиграть процесс о наследстве, затеянный уже год у Версилова с князьями Сокольскими, и Версилов мог получить в самом ближайшем будущем имение, ценностью в семьдесят, а может и несколько более тысяч. Я сказал уже выше, что этот Версилов прожил в свою жизнь три наследства, и вот его опять выручало наследство! Дело решалось в суде в самый ближайший срок. Я с тем и приехал. Правда, под надежду денег никто не давал, занять негде было, и пока терпели» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 17].

Писателю, много раз получавшему помощь родни со стороны матери, в том числе и свою долю по завещанию Куманиных (3000 рублей по смерти «дяди», Александра Алексеевича, и 10000 рублей от Александры Федоровны), была хорошо знакома эта ситуация ожидания наследства. Слова «прожил три наследства» вполне могут быть отнесены к самому Достоевскому, поскольку именно «три наследства» он в свое время и получил: это, наряду с деньгами от «дяди» и «тетки» Куманиных, тысяча рублей серебром, выданная еще в 1844 году опекуном П.А. Карепиным в счет будущей части наследства после продажи родительского имения в Даровом [Борисова, 2019, с. 48-49].

Пережил писатель и всю тяжесть напряженных родственных отношений между сонаследниками, обострившихся в ходе куманинского процесса. В самый его разгар они разладились совершенно [Борисова, 2019, с. 49-50]. К тому же сестры и братья полагали, что свою часть наследства Федор Михайлович получил сполна и на большее не может претендовать. Тем не менее в 1871 году он включился в борьбу за наследство. В данном случае мы не решаем вопрос, насколько справедливы были притязания писателя. Важно то, что у него ко времени работы над романом «Подросток» уже был непосредственный опыт переживаний из-за наследственных проблем.

По мнению московской родни, у Достоевского, уже получившего куманинские деньги, не оставалось права на наследство. Сам же он в 1879 году писал Анне Григорьевне: «все, голубчик мой, думаю о моей смерти сам (серьезно здесь думаю) и о том, с чем оставляю тебя и детей. **Все считают**, что у нас есть деньги, а у нас ничего» [Достоевский, 1972–1990, т. 30₁, с. 109]. Это «все» включает в себя, без сомнения, и московских родственников. У них была своя правда, хотя и Достоевский имел моральное право, находясь на смертном одре, обвинить сестер в «несправедливости»: «[Я причастился, испо-

ведался, а все-таки не могу равнодушно подумать о сестрах]. Какие они несправедливые» [Достоевский, 1993, с. 281]. Заметим, что слово «несправедливые» переводит тяжбу Достоевского с сестрами из юридической плоскости в моральную, в пространство родственных отношений, не выдержавших испытания делом о наследстве.

Именно здесь обнаруживаются самые интересные пересечения эпизодов и ходов куманинского дела с романом «Подросток». Остановимся на одном эпизоде – ложном сообщении А.Н. Майкова о смерти А.Ф. Куманиной в 1869 году и последующих письмах Достоевского В.И. Веселовскому и С.А. Ивановой. Особенно интересно, что *любимая* племянница Софья, получив письмо с просьбой «...чтоб оно не вышло из Вашего дома никуда и ни к кому...» [Достоевский, 1972–1990, т. 29₁, с. 59], тут же поставила о нем в известность всю московскую родню. Причем, судя по дальнейшей реакции этой родни и проявлявшемуся до смерти писателя семейному охлаждению, негативную оценку его письмо с самого начала получило из уст именно любимой племянницы.

Секрет, доверенный «любимому» и «близкому» человеку (отцу, женщине, сестре, другу) и *мгновенно* распространенный конфиден- том самым негативным образом, – повторяющийся мотив романа «Подросток». Бедный Аркадий постоянно ошибается, оценивая мотивы поведения и степень честности / нечестности собеседника и «выдавая» информацию, которая часто оборачивается против него. При этом вину за подобные коммуникативные «срывы» окружающие, прежде всего Татьяна Павловна, возлагают на самого Аркадия, с чем он соглашается. Однако, рассказывая Версилову о своих отношениях к Ахмаковой, он не предполагает, что его отец в тот же день напишет свое «безобразное» письмо.

Репутация героя настолько хрупка, что она страдает от любого слуха. Все, что может быть направлено против Аркадия, обязательно озвучивается кем-то — и именно в самом дурном ключе: «Да, какой-то дурачок, что, впрочем, не мешает ему стать мерзавцем» (в речи Ахмаковой) [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 127]; «Это хорошо, что ты все подсмотрел: я никогда не предполагал, что ты – такой шпион и что в тебе столько ума!» (Ламберт) [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 419]; «Не смейте же после того говорить у меня о чести. Потому что вы – люди бесчестные... оба, оба; а вы разве не стыдились у меня брать мои деньги?» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 235].

Все это было знакомо и Федору Михайловичу. Например, в письме из Эмса к Е.П. Ивановой (5 (17) июня 1875 г.) он жалуется: «Софья Александровна, вместе с другими, слухам поддалась и меня обвинила. Бог с нею <...>. Узнав о ее мнении, я был очень печален...» [Достоевский, 1972–1990, т. 29₂, с. 37]. В ответ (20 июня 1875 г.) Е.П. Иванова написала: «Относительно письма Вашего к Соне, скажу только, что я никогда не желала бы получить подобное от человека, которого я привыкла любить и которому верила», добавив, «в Вас она никогда не сомневалась до нынешнего года»³.

Так, наследственные разбирательства рассорили семейство Достоевских, о чем В.М. Карепина предупредила брата А.М. Достоевского 28 мая 1873 г.: «...это наследство такое несчастное, что всё перессорятся изъ за него» [Достоевский, ЛН, 1973, с. 432]. Суждение сестры писателя поразительным образом перекликается с мнением матери Аркадия: «Ах, нет, что сегодня, про то не сказал. Да я всю неделю так боюсь. Хоть бы проиграть, я бы помолилась, только бы с плеч долой, да опять по-прежнему» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 85].

Конкретные переклички реальной семейной истории достоевских-куманиных-ивановых с сюжетом романа «Подросток» приведенными примерами не исчерпываются. В нем одно наследственное дело плавно переходит в разбирательства и ссоры, вызванные наследством старого князя Сокольского. Так, неудавшаяся идея Анны Андреевны «увезти» князя и спрятать его на квартире Аркадия, находит отражение в некоторых идеях сестер Достоевского об устройстве впавшей в слабоумие тетки Александры Федоровны: Варвара Михайловна предлагала «устранить бабуку отъ завѣдыванія дѣлами тетки съ пенсією въ 500 рублей <...> и Тетушку помѣстить у сестры Вѣрочки». Андрей Михайлович, став душеприказчиком тетки, писал: «сестра Варвара Михайловна жалуется на бабушку Ольгу Яковлевну, говоря что она въ одинъ годъ прожила болѣе 15 тысячъ рублей...»⁴. Планы Варвары Михайловны относительно тетки были прямо реализованы (хоть и неудачно) Анной Андреевной в отношении старого князя Сокольского.

³ РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 172. Л. 1-1 об. Иванова Е. П. Письмо к Ф. М. Достоевскому. От 20 июня 1875 г.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1032-1033 (л. 634 об.-635). Первая цифра дана по нумерации А.М. Достоевского, вторая – архивная.

С образом старого князя связан еще один эпизод из семейной истории Достоевских. По фамильной легенде, Александр Алексеевич Куманин и Михаил Андреевич Достоевский, будучи в ссоре, были принуждены помириться над смертным одром своего тестя – Федора Тимофеевича Нечаева. «Зятья <...> пожали друг другу руку и поцѣловались, тогда дѣдушка плюнулъ, велѣлъ одной изъ дочерей растерѣть ногою этотъ плевокъ сказавъ: Пусть также разотрется и уничтожится ваша ничтожная вражда, — какъ растерть и уничтожень этотъ плевокъ Вашего умирающаго отца! При чемъ обѣ жены примирившихся плакали навзрыдь»⁵.

Ровно такие же планы лелеет старый князь Сокольский относительно Анны Андреевны Версильевой и своей дочери, Катерины Николаевны Ахмаковой: «Да, да, но... мы их помирим, n'est-ce pas? Тут пустая мелкая ссора двух достойнейших женщин, n'est-ce pas? Я только на тебя одного и надеюсь... Мы это здесь все приведем в порядок» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 425]. Его мечты разделяет и Аркадий: «Одним словом, я хотел только должного; я хотел оправдать себя раз навсегда. Порешив с этим пунктом, я непременно, и уже настоятельно, положил замолвить тут же несколько слов в пользу Анны Андреевны и, если возможно, взяв Катерину Николаевну и Татьяну Павловну (как свидетельницу), привезти их ко мне, то есть к князю, там помирить враждующих женщин, воскресить князя и... и... одним словом, по крайней мере тут, в этой кучке, сегодня же, сделать всех счастливыми» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 428]. Однако в романе этот автобиографический мотив остался нереализованным.

Как обычно у позднего Достоевского, на сюжетные перипетии накладываются отражения уголовной и политической хроник. При этом если откровенно уголовные развязки побочных сюжетов (оправдание Васина, поимка Ламберта, смерть молодого князя) Достоевский приглушает или купирует, то «наследственный сюжет», явно восходящий к куманинскому делу, доводится до неожиданной эффектной развязки: Версильев уступает наследство Сокольским; князь Сергей Петрович, в свою очередь, планирует выделить Версильевым часть этого наследства, но внезапно умирает; наконец, старый князь Сокольский отделяет 60000 рублей для Анны Андреевны, но она не берет деньги умершего князя.

⁵ ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 39 (л. 132).

Этот мотив добровольной уступки наследственной доли как «долга чести» впоследствии «прозвучал» и в реальном куманинском деле. Сразу после смерти Федора Михайловича Анна Григорьевна «отдала свою часть по наследству...» В. М. Ивановой⁶. Имеется в виду 1/14 часть от общей доли наследного имения в Рязанской губернии, которую, по законам того времени, жена писателя и уплатила Вере Михайловне.

То, что автобиографический контекст романа «Подросток» (не меньший, чем у остальных романов великого «пятикнижия») остался сравнительно малоизвестен, можно, во-первых, объяснить его бытовой приземленностью, которую не хотела «пропустить» Анна Григорьевна, вполне сознательно участвовавшая в формировании идеального образа Достоевского в сознании русского общества. Во-вторых же, главной «порочащей легендой» (термин Р.Г. Назирова [см.: Назиров, 2012]) в истории последующего восприятия Достоевского стала гораздо более аттрактивная клевета Н.Н. Стрехова о «ставрогинском грехе» писателя. Нулевая степень достоверности для этого жанра околелитературного фольклора оказалась несущественной.

Однако без учета автобиографического контекста интерпретация романа «Подросток» рискует остаться существенно ограниченной. Думается, ориентиром в этом плане может стать реакция «читателя» записок Аркадия Долгорукова, Николая Семеновича, введенная в нарративную структуру произведения. Он прочитывает «записки» Подростка как исторический документ, «материал» времени, по его определению, и заключает: «Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из случайного семейства!» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 456]. В этих словах слышится и личная горечь писателя.

Список литературы

1. Белов, 2011 – Белов С.В. Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. / Российская национальная библиотека. СПб.: Российская нац. б-ка, 2011. 756 с.
2. Борисова, 2019 – Борисова В.В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 48–49.
3. Гаричева, 2002 – Гаричева Е.А. Голоса героев в романе Ф.М. Достоевского «Подро-

⁶ См. письмо В.М. Ивановой к брату Н. М. Достоевскому. ОР РГБ. Ф. 93. III. 12.59. Л. 8.

сток» // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Сб. 4. С. 364-382.

4. Герикг, 2003 – Герикг Х.-Ю. Роман «Подросток» в историко-литературной перспективе // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. Коломна: КГПИ, 2003. С. 9-16.

5. Достоевский, ЛН, 1973 – Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86: Достоевский Ф.М.: Новые материалы и исследования. 790 с.

6. Достоевский, 1993 – Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: «Андреев и сыновья», 1993. 332 с.

7. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

8. Касаткина, 2001. – Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. 557 с.

9. Комарович, 1924 – *Комарович В.Л.* Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. II. С. 31-68.

10. Назиров, 2012 – *Назиров Р.Г.* Легенды о художниках: к постановке проблемы // Нева. 2012. № 2. С. 190-201.

11. Прохоров, 2017 – *Прохоров Г.С.* «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или над чем корпели судьи полтора года? // Неизвестный Достоевский. 2017. № 2. С. 3-22.

12. Свительский, 2000 – *Свительский В.А.* «Сбились мы. Что делать нам?..»: К сегодняшним прочтениям романа «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2000. № 15. С. 205-228.

13. Шаулов, 2019 – *Шаулов С.С.* Мифологизация биографического нарратива в дореволюционных энциклопедических статьях о Достоевском // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 2. С. 192-213.

References

1. Belov, S.V. *F.M. Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844-2004 gg.* [Index of Dostoevsky's Works and Scholarship in Russian, 1844-2004]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2011. 756 p. (In Russ.)

2. Borisova, V.V. "Nravstvennye i iuridicheskie aspekty 'kumaninskogo dela'." ["Moral and Legal Aspects of the 'Kumanin Case'."]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no.1, 2019, pp. 48-49. (In Russ.)

3. Garicheva, E.A. "Golosa geroev v romane F.M. Dostoevskogo 'Podrostok'." ["Characters' Voices in F.M. Dostoyevsky's *The Adolescent*"]. *Khristianstvo i russkaia literatura* [Christianity and Russian Literature], issue 4. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 364-382. (In Russ.)

4. Gerikg, H.-Ju. "Roman 'Podrostok' v istoriko-literaturnoi perspective" ["*The Adolescent* in a Historical and Literary Perspective"]. *Roman F.M. Dostoevskogo "Podrostok": vozmozhnosti prochtenia* [F.M. Dostoevsky's Novel *The Adolescent: Possible Readings*]. Kolomna, KGPI Publ., 2003, pp. 9-16. (In Russ.)

5. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 86: *Dostoevskii F.M. Novye materialy i issledovaniia* [Dostoevsky F.M. New materials and studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 790 p. (In Russ.)
6. Belova, S.V., editor. *Dostoevskii F.M. v zabytykh i neizvestnykh vospominaniakh sovremnikov* [Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of his Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1993. 332 p. (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": Sovremennoe sostoianie izucheniia: Sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Dostoevsky's Novel The Idiot: Current State of Research: Collected Works by Russian and Foreign Scholars]. Moscow, 2001. 557 p. (In Russ.)
9. Komarovich, V.L. "Roman Dostoevskogo 'Podrostok' kak khudozhestvennoe edinstvo" ["Dostoevsky's Novel *The Adolescent* as an Artistic Whole]. *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky: Articles and Materials], vol. II. Ed. by A.S. Dolinin. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924, pp. 31-68. (In Russ.)
10. Nazirov, R.G. "Legendy o khudozhnikah: k postanovke problem" ["Legends of Artists: Toward Positing a Problem"]. *Neva*, no. 2, 2012, pp. 190-201. (In Russ.)
11. Prokhorov, G.S. "'Delo o smerti Mikhaila Andreevicha Dostovskogo', ili nad chem korpeli sud'i poltora goda?" ["'The Case of Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death', or What Had the Judges Been Pouring Over for a Year and a Half?"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no. 2, 2017, pp. 3-22. (In Russ.)
12. Svitel'skii, V.A. "'Sbilis' my. Chto delat' nam? ...': K segodniashnim prochteniiam romana 'Idiot'." ["'We Are Lost. What Shall We Do? ...': Contemporary Readings of *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manah*, no. 15, 2000, pp. 205-228. (In Russ.)
13. Shaulov, S.S. "Mifologizatsiia biograficheskogo narrativa v dorevoliutsionnykh entsiklopedicheskikh stat'iakh o Dostoevskom" ["Mythologization of Biographical Narrative in Pre-Revolutionary Encyclopedic Articles about Dostoevsky"]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], vol.17, no. 2, 2019, pp. 192-213. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 03.09.2020. Дата публикации: 25.12.2020.

The article was submitted 09.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 03.09.2020. Date of publication: 25.12.2020.